

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛЕКСИКА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII ВЕКОВ

LEXICON USED FOR INVESTIGATIVE ACTION IN THE RUSSIAN LANGUAGE 11–17TH CENTURIES

ELENA CZASZCZYNA

ABSTRACT. Investigative action is understood here as research into the circumstances of a case and establishing the truth. During the history of Russian legislation, the ways of gathering and submitting proof were changed. The article looks at the juridical lexicon of texts, which show these processes from the period of Ancient Russia to the late 17th century.

E. Czaszczyzna, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań — Polska,
jelena.c@amu.edu.pl

В широком смысле следственными именуются те действия, которые служат способами исследования обстоятельств дела и установления истины. В узком смысле этого слова следственные действия — это действия по собиранию доказательств¹. К числу наиболее важных следственных действий относятся: осмотр места происшествия, трупа, местности, помещений, предметов и документов; обыск (личный, в помещении, на местности); допрос (обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля); очная ставка². В России с течением времени способы сбора и предоставления доказательств менялись. Остановимся на некоторых их особенностях с древнерусского периода до конца XVII века.

В Древней Руси со времени упрочения княжеской власти к многочисленным функциям князя стали относиться и судебные. Арабский путешественник Ибн Русте сообщает, что если кто-нибудь из русов

возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то,

¹ С. А. Шейфер, *Следственные действия. Система и процессуальная форма*, Москва 2001, с. 5.

² Там же, с. 56.

что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием (мечами), и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники (обеих сторон) приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело³.

Таким образом, мы видим, что судебный приговор царя русов не являлся обязательным для исполнения. Весь ход судебного процесса осуществлялся в форме состязания сторон, а судья лишь руководил процессуальной борьбой, следил за тем, чтобы она не отступала от строго установленных обычаев форм⁴. Кроме того, и само исполнение приговора лежало на выигравшей процесс стороне.

Не говоря уже о древнейших временах родовой мести, кредитор сам устраивал продажу должника или обиженный сам расправлялся с обидчиком, подлежащим телесной каре. При таком характере процесса главное назначение суда состояло в определении тех норм обычного права, которые подходили к данному случаю⁵.

При совершении убийства отыскать преступника и осуществить наказание должны были родственники убитого. Хотя кровная месть своими корнями уходит в глубокую древность, в древнерусском государстве она считалась действием справедливым и была закреплена на законодательном уровне в *Русской правде*: „Аже убиеть мужь мужа, то мстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо брату чадо, ли братню сынови“⁶. При отказе от мести или невозможности ее совершения по каким-либо причинам предусматривались денежные выплаты родственникам убитого:

Аще ли не будеть кто его мстыя, то положити за голову 80 гривень, аще будеть князь мужь или тиуна княжа; аще ли будеть русинь, или гридь, любо купець, любо тивунь боярескъ, любо мечникъ, любо изгой, ли словенинь, то 40 гривень положити за нь⁷.

³ А. П. Новосельцев, *Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв.*, [в:] его же и др., *Древнерусское государство и его международное значение*, Москва 1965, с. 397–398.

⁴ И. Я. Фроянов, *Киевская Русь. Очерки социально-политической истории*, Ленинград 1980, с. 17.

⁵ А. Е. Пресняков, *Лекции по русской истории*, т. 1: *Киевская Русь*, Москва 1938, с. 200.

⁶ *Русская правда*, [в:] электронный ресурс: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (19.09.2015).

⁷ Там же.

Убийца сам мог настаивать на выкупе и вести переговоры с родственниками убитого. И. Д. Беляев отмечает, что по славянским и скандинавским законам

убийца мог вступать в договор о выкупе с родственниками убитого, но прежде этого он должен был бежать в пустыню, в дикие леса и только по прошествии 40 дней после убийства мог вступать в переговоры через своих родственников. Если родственники убитого не соглашались на выкуп, то убийца снова мог возобновить свое предложение через год, если во второй раз его предложение отвергалось, то по прошествии года он мог вступить еще раз в переговоры. Но если и на этот раз не было согласия, то убийца лишался всякой надежды выкупить свое преступление⁸.

Важной особенностью судебного процесса являлось то обстоятельство, что открывался он только при наличии иска со стороны потерпевшего. В случае кражи потерпевший при подаче иска должен был знать лицо, против которого он его выдвигает, он сам должен был отыскать вора, найти ту вещь, которую у него украли, а также представить суду свидетелей, каких он соберет, чтобы перед ними сделать необходимые заявления и предъявить факты. Какими правами обладал истец в процессе поиска преступника? 1) Вора можно было поймать с поличным. *Поличное* — ‘краденая вещь, найденная у вора и уличающая его в краже’: „А поличное то, что выимуть из клетки изъ-за замка; а найдуть что во дворе или в пустой хоромине, а не за замком, ино то не поличное”⁹. Как видим, в качестве доказательства принималась вещь, найденная в закрытом помещении. Если вещь обнаруживалась во дворе или месте, доступ к которому имели посторонние, то в таком случае вещь уликой не считалась, так как ее могли подбросить. Как правило, поличное изымалось при обыске в присутствии понятых. 2) Мог обеспечить себе право на возврат краденого путем *заклича на торгу* — объявления об утраченной вещи. *Закликати* — ‘объявить публично о чем-либо’¹⁰. Потерпевший, объявив о факте кражи какой-либо вещи, давал подробное ее описание, называл те признаки, по которым ее можно было узнать. Если по истечении трех дней с момента заклика пропажа обнаруживалась, то тот, у кого она находилась, считался ответчиком. 3) Потерпевший мог отыскать преступника путем *свода*, гонения следа. *Свод* — ‘процедура нахождения лица, незаконно присвоившего чужую вещь (конечного татя), и возвращение ее первоначальному хозяину’¹¹. Розыск украденной вещи и вора осуществлялся таким

⁸ И. Д. Беляев, *Лекции по истории русского законодательства*, Москва 1879, с. 68.

⁹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 16, Москва 1990, с. 219.

¹⁰ Там же, вып. 5, Москва 1978, с. 214.

¹¹ Там же, вып. 23, Москва 1996, с. 179.

образом: тот, у кого была обнаружена пропавшая вещь, должен был указать, у кого он ее приобрел. Свод продолжался до тех пор, пока не доходил до человека, который не мог объяснить, откуда у него эта вещь, он и был признан вором. О гонении следа говорится в статье 77 *Русской правды*:

Не будет ли татя, то по следу женуть; аже будет следъ ли к селу или к товару, а не отсочать от собе следа, ни едутъ на следъ или отбють, то темь платити татбу и продажу; а следъ гнати с чюжими людми а с послухи; аже погубять следъ на гостиньце на велице, а села не будетъ, или на пуссте, где же не будетъ ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы¹².

То есть, если вор сразу не обнаружен, то его следует искать по следу, если след приведет к селу, а люди не отведут след от себя и не примут участия в расследовании, то они должны заплатить за украденную вещь штраф князю и возместить ущерб потерпевшему. Если след потеряется на большой торговой дороге или безлюдном месте, то ущерб потерпевшему не возмещается и штраф князю не платится. Ответственность за поимку преступника в значительной степени возлагается на общину. С существительным *след*, имевшим значение 'оставленный преступником след, улика'¹³, встречаются словосочетания *гнати по следу* 'идти по следу, преследовать кого-либо'¹⁴, *отсочити след* 'отвести от себя подозрение, доказав, что след уходит в другую сторону'¹⁵.

Роль общины в розыске преступника подчеркивается также в статье 70 *Русской правды*, где говорится: „Аже будетъ росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати в собе татя любо платити продажу”¹⁶. Эта статья указывает на обязанность жителей участвовать в поимке вора на своей территории или платить штраф, если в месте бобрового промысла найдены будут следы или остатки орудий незаконной ловли. Кроме того, если на общинной земле будет обнаружено мертвое тело, а убийца не будет найден, то община за то, что не отыскала убийцу или скрывала его, платит штраф — *дикую виру*:

Будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зане к нимъ прикладываетъ, того же деля имъ помагати головнику; любо си дикую виру, но сплатити имъ во обчи 40 гривень, а головничество самому головнику, а въ 40 гривень ему заплатити ис дружины свою часть¹⁷.

¹² *Русская правда*, указ. соч.

¹³ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 25, Москва 2000, с. 76.

¹⁴ Там же, вып. 4, Москва 1977, с. 41.

¹⁵ Там же, вып. 14, Москва 1988, с. 31.

¹⁶ *Русская правда*, указ. соч.

¹⁷ Там же.

Дикая вира — ‘добровольная складчина членов общины, из которой платился штраф в случае убийства’¹⁸.

Что касается доказательств, то они предоставлялись истцом и опровергались ответчиком. Наличие синяков, ран, крови являлось достаточным доказательством. Это подтверждает 29 статья *Русской правды*:

Аже придет кровавь мужь на дворъ или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажу 3 гривны; аще ли не будеть на немь знаменья, то привести ему видокъ слово противу слова; а кто будеть почаль, тому платити 60 кунь; аче же и кровавь придет или будеть самъ почаль, а вылезутъ послуши, то то ему за платежь, оже и били¹⁹.

Как видим, доказательством служили также свидетельские показания, в качестве свидетелей выступали *видоки* и *послухи*. Истец и ответчик, подтверждая свои показания, шли на *роту*, то есть давали присягу. Присяга принималась в качестве доказательства без каких-либо сомнений, так как считалось, что нарушивший присягу обрекает себя на вечные муки после смерти. Если прямых улик и свидетелей не было, тогда прибегали к высшей инстанции — Божьей воле, узнать которую можно было путем *испытаний*, к которым относились испытания железом и водою. Тот, кто выдерживал испытания, считался правым, так как на его стороне Бог.

Следует отметить, что княжеская власть получала в свою пользу разного рода выплаты, в зависимости от характера преступлений: *виры*, *продажи* и другие судебные пошлины. *Вира* — ‘побор, штраф в пользу князя за убийство свободного человека’: „А учинится у нихъ въ волости или въ коемъ стану душегубство, а не доищутся душегубца, ино за голову виры два рубли новгородские”²⁰. *Продажа* — ‘1) пеня, штраф за преступление, 2) судебная пошлина’²¹. Следует отметить, что на XI–XII вв. приходится активная законодательная деятельность князей: создаются *Русская правда* Ярослава, а позднее Ярославичей, уставы Владимира Мономаха, церковные княжеские уставы.

Таким образом, в Древней Руси судебный процесс носил обвинительный характер, следственные действия осуществлялись потерпевшей стороной: розыск преступника, поиск доказательств и свидетелей.

В период Московского государства ситуация меняется: преступления, которые являются опасными для государства, преследуются властью без участия обвинителя. Общество принимает на себя право суда и уста-

¹⁸ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 2, Москва 1975, с. 188.

¹⁹ *Русская правда, Русская правда*, указ. соч.

²⁰ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 2, указ. соч., с. 188.

²¹ Там же, вып. 20, Москва 1995, с. 116.

новления наказания. Преступление рассматривается не как действие против частного лица, но как нарушение общественного порядка в государстве. Доказательства перестают быть делом между сторонами, они добываются государственными чиновниками и передаются в ведение судьи. Уголовное право в этот период преследует две цели: лица, совершившие преступления, должны быть наказаны, а будущие преступления должны быть предупреждены²². Требования к проведению расследования излагались в уставных грамотах, а затем вошли в состав Уложений.

Во время правления Ивана IV ведение уголовного суда было поручено наместникам и волостелям по ряду преступлений, к которым относились душегубство, разбой и татьба с поличным. В России в то время уровень преступности был необычайно высок. Это было обусловлено огромными территориями, покрытыми лесными массивами и мало населенными, а также связано, во-первых, с безнаказанностью лиц, совершавших преступления, так как не всегда были обвинители, и во-вторых, с затруднениями по изобличению преступника, так как одними из главных доказательств оставались испытания. Иван Грозный, пытаясь решить эту проблему, начал посылать из Москвы на места *обыщиков*, которые должны были навести порядок и обеспечить безопасность населению. *Обыщик* – ‘человек, производящий расследование, дознание’: „И мы къ вамъ посылали на Белоозеро обыщиковъ своихъ, и отъ нашихъ деи обыщиков и отъ неделщиков чинятца вамъ великие убытки“²³. Обыщики не только не справлялись с поставленной задачей, но и создавали новые проблемы местным жителям, приносили им убытки, так как содержание этих чиновников было непомерно высоким. Местное население обратилось к царю с просьбой не посылать к ним обыщиков и позволить им самим бороться с преступностью. Тогда по приказу царя было поручено проводить расследование *губным старостам* и *целовальникам*. Так, в *Губном наказе Новгородской земле 1559 г.* говорится:

И яз, царь великий князь Иван Васильевич всея Руси, по их челобитью, пожаловал: велел есми у них быти в Великом Нове Городе на посади и в Новгородском уезде в станех и в волостех у розбойных и у татинных дел в губных старостах детем боярским, кого землею выберут, да с ними губным целовальником²⁴.

²² В. Л и н о в с к и й, *Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России*, Одесса 1849, с. 9–12.

²³ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 12, Москва 1987, с. 219.

²⁴ *Губной наказ Новгородской земле 1559 г.*, [в:] электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Gubnoj_nakaz_novgorod1559/text.htm (19.09.2015).

В *Словаре русского языка XI–XVII вв.* фиксируется: *губной староста* – ‘выборное лицо из местных дворян, ведающее судебными делами в уезде (губе)’:

Отвель я человека своего Ортюшку Иванова въ Шую, въ губу, къ губному старосте къ Семену Кишкину, потому что тотъ человекъ мой Ортюшка живучи у меня, учаль клети мои красть и улыи мои ломать.

Губной целовальник – ‘выборный помощник губного старосты из среды зажиточных крестьян’²⁵. Губным старостам было вменено в обязанность ловить преступников, судить их, а затем подвергать установленным наказаниям, в том числе смертной казни. Такой полноты власти не было даже у наместников и волостелей, так как они не могли принимать решений без доклада царю, а губные старосты самостоятельно принимали решения.

Одним из важных элементов следствия, проводимого губными старостами, являлся *повальный обыск*, который представлял собой опрос по делу всех возможных свидетелей:

А велено ему по росписи про беглыхъ крестьянъ сыскивати около техъ местъ нашими дворцовыми селы и поместными и вотчинными всякими сыски накрепко, большим повальным обыскомъ, версть по тридцати и больши²⁶.

Большой повальный обыск проводился на расстоянии 30 километров и более, а *малый повальный обыск* на расстоянии до 20 километров. В одно место съезжались губные старосты и целовальники, куда из всего уезда должны были явиться к ним жители всех сословий:

И как на съезд к старостам съедутца, и старостам обыскивати князьми и детьми боярскими, и их приказшики, и царя великого князя дворцовых сел и черных деревень крестьяны [...] и всеми без омены, чей хто нибуди²⁷.

На собрании старосты расспрашивали людей,

кто у них в губи лихих людей татей и розбойников, и х кому тати и розбойники приежают и розбойную рухлядь привозят, и от кого на розбой ездять, и х кому розбойную рухлядь продают за разбойное²⁸.

Следует отметить, что существительное *обыск* использовалось также в значении ‘свидетельские показания, данные дознания’:

И х кому съ розбою и на розбой ездили, про то про все взяти у обыскныхъ людей за ихъ и за отцовъ ихъ духовныхъ руками обыски, да и по темъ обыскомъ лихихъ людей татей и розбойниковъ и оговорныхъ людей имати²⁹.

²⁵ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 4, Москва 1977, с. 153.

²⁶ Там же, вып. 12, указ. соч., с. 213–214.

²⁷ *Губной наказ Новгородской земле 1559 г.*, указ. соч.

²⁸ Там же.

²⁹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 12, указ. соч., с. 214.

Люди, привлеченные к расследованию в качестве свидетелей, именовались словосочетанием *обыскные люди*³⁰. Показания обыскных людей записывал дьяк по статьям. Если свидетели владели грамотой, то они сами подписывали документ, если грамотой не владели, то право подписи предоставлялось их духовным отцам. Свидетельские показания обозначались двусоставным наименованием *обыскные речи*:

Да кто что про то про все въ обыску обыскные люди скажутъ, и ты бѣ те обыскные речи, за руками обыскных людей и отцовъ ихъ духовныхъ и за своею рукою, прислалъ къ намъ, къ Москвѣ³¹.

Если на кого-то показывали в обыске, что „они лихие люди, а исцов им нет“, то старостам в таком случае следовало

их имати, да ставити перед собою [...] и как их перед старостами поставят, и старостам тех людей по обыску в розбоях пытати³².

Если обыскные люди подтверждали факт преступления, то оговариваемые ими лица назывались *лихими людьми с доводом*. *Лихие люди* (*лихой человек*) – ‘преступники, преступник’³³; *довод* – ‘доказательство, улика’³⁴.

Глагол *обыскати* использовался в двух значениях: 1) ‘обыскать, произвести обыск’:

А у кого учинится какова гибель и кто пригонит какой след [...] и гибельщик у него обыщет двор и поимает, а не вымет поличного, ино у него гибель пропала;

А татю веры не нять, а на кого възклеплеть, ино домъ его обыскать и найдуть в дому его что поличное, и онъ тот же тать;

2) ‘произвести дознание, расследовать дело (судебным порядком)’:

А будетъ учинитца у нихъ на монастырской земле душегубство бесхитростно: ково громъ убьеть или з древа или с хоромины убьетца, или згорить, или утонеть [...] а обыщуть про то в правду, что учинилось бесхитростно³⁵.

Как видим, первое значение этого глагола сохраняется и сегодня, а второе значение имело обобщенный характер, обозначало расследование в целом.

Обвиняемые в ходе повального обыска именовались словосочетанием *лихованные люди*. Глагол *лиховати* употреблялся со значением ‘оговаривать, опорочивать’:

³⁰ Там же, с. 216.

³¹ Там же.

³² Губной наказ Новгородской земле 1559 г., указ. соч.

³³ Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 8, Москва 1981, с. 249.

³⁴ Там же, вып. 4, Москва 1977, с. 276.

³⁵ Там же, вып. 12, указ. соч., с. 214.

И онъ Иванъ, по темъ обыскомъ техъ лихованныхъ людей, которые въ обыску лихованы, велеть имать губнымъ целовальникомъ³⁶.

Встречаем также глагол *облиховать* 'обвинить, уличить кого-либо в ходе судебного разбирательства':

А тех людей, на которых в татбах или в разбоях и языки учнуть говорить и в обыску их облихуютъ, а сами те лихованные люди с пыток не учнуть говорить [...] тех лихованных людей сажати в тюрьму³⁷.

Нередко показания давались под пыткой, во время которой обвиняемый должен был дать сведения о своих сообщниках. Такие показания являлись одним из видов доказательств и обозначались словосочетанием *язычная молвка*. В *Словаре русского языка XI–XVII вв.* говорится: *язычная молвка* — 'донос, свидетельские показания':

А которые воры тати и розбойники... учнуть говорити затевая воровствомъ какую татину и розбойную молку на иныхъ людей [...] и темъ ихъ язычным молкам не верити³⁸.

Тот, кто давал показания в ходе дознания, именовался существительным *язык*:

А на которых людей в розбоех язык говорил, а в обыску его назовут половина добрым человеком, а другая половина лихим человеком, и того человека пытати; и не учнет пытан на себя в розбоех говорити, и того человека дати на поруку за обыскных людей, которые его одобрили³⁹.

Названных обвиняемым сообщников также подвергали пытке, а имущество, принадлежавшее им, опечатывали⁴⁰.

Следует отметить, что обвиняемые имели право на защиту. Так, лиц, названных под пыткой сообщниками, подвергали пытке не сразу. Они имели право потребовать провести повальный обыск и получить свидетельские показания в свою пользу. Однако в случае, если на одно и то же лицо под пыткой показывали два или три человека, повальный обыск не проводился. Кроме того, если обвиняемые считали, что тот, кто давал показания, говорил неправду, то они имели право на очную ставку — *поставити с очей на очи*. Очная ставка как одно из следственных действий была закреплена законодательно:

И учнут на себя и на товарищов своих в розбое говорити и старостам по языку по тех людей посылати, а велети их ставити перед собою с языки с очей на очи⁴¹.

³⁶ Там же, вып. 8, Москва 1981, с. 247.

³⁷ Губной наказ Новгородской земле 1559 г., указ. соч.

³⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 9, Москва 1982, с. 241.

³⁹ Губной наказ Новгородской земле 1559 г., указ. соч.

⁴⁰ В. Л и н о в с к и й, указ. соч., с. 122.

В 1669 г. для расследования уголовных преступлений была введена должность *сыщика*, а губной староста назначался его помощником. Должность губного целовальника была отменена. Однако должность сыщика просуществовала недолго, в 1683 г. она была ликвидирована, а все полномочия по розыску преступников и ведению суда были переданы *воеводам*, что затем и было подтверждено указом Петра I в 1702 г.

Одним из видов доказательств являлось собственное признание. Собственное признание в виновности или невиновности имело большее или меньшее значение в разные периоды развития правовых отношений. В древние времена признание считалось важнейшим фактором в расследовании преступления. Преступник, изобличенный рядом доказательств, часто не подвергался наказанию, если не было его собственного признания. С течением времени ситуация меняется. Так, по делам, которые были в ведении губных старост, практически не требовалось добровольного признания человека, которого обвиняли в преступлении. В татьбе и в разбое с поличным было достаточно оговора *язычною молвкою и обливания* в обыске, после чего подсудимого подвергали пытке. Важное значение признание приобретает позднее, в эпоху Петра I, когда при его наличии приостанавливается поиск других доказательств. Однако к признанию предъявляется ряд требований: оно должно быть добровольным, должно произноситься в суде перед судьей, а также соответствовать произошедшим событиям⁴².

Таким образом, в Древней Руси суд совершался только при наличии иска частного лица. Исполнял приговор сам потерпевший или его родственники. Как отмечает историк права В. И. Сергеевич,

первоначально наказание имеет исключительно частный характер, наказывает не государство, а частное лицо, сам потерпевший или его родственники⁴³.

Большую роль в поиске преступника играла община. К следственным действиям относились *заклич на торгу, свод (гонение следа)*. Доказательствами являлись следы побоев — *знамения*, присяга — *рота*, показания свидетелей — *видок* и *послухов*. Если доказательств не было, полагались на Божью волю и проводили поединки или испытания (ордалии). В Московский период следствие становится делом государственным, а отдельные частные лица от руководства этим процессом отстраняются. Проведение следствия поручается государственным чиновни-

⁴¹ Губной наказ Новгородской земле 1559 г., указ. соч.

⁴² В. Л и н о в с к и й, указ. соч., с. 89–90.

⁴³ В. И. С е р г е е в и ч, *Лекции и исследования по древней истории русского права*, Санкт-Петербург 1910, с. 382–383.

кам: *наместникам, волостелям, обыщикам, губным старостам и губным целовальникам, сыщикам, воеводам*. К следственным действиям относятся: *обыск, повальный обыск (большой и малый) – допрос свидетелей, пытка, очная ставка – поставити с очей на очи*. В качестве доказательств принимаются показания *языков* (допрашиваемых) – *язычная молвка*. Обвинение – *облихование* – совершается при наличии показаний свидетелей – *обыскных людей* и *улик – доводов*. Следствие, в ходе которого собираются доказательства, помогает восстановить ход событий и обеспечить объективность судебному процессу.

Библиография

- Беляев И. Д., *Лекции по истории русского законодательства*, Москва 1879, с. 68.
- Губной наказ Новгородской земле 1559 г.*, [в:] электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Gubnoj_nakaz_novgorod1559/text.htm (19.09.2015).
- Л и н о в с к и й В., *Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России*, Одесса 1849.
- Н о в о с е л ь ц е в А. П., *Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв.*, [в:] его же и др., *Древнерусское государство и его международное значение*, Москва 1965, с. 397–398.
- П р е с н я к о в А. Е., *Лекции по русской истории*, т. 1: *Киевская Русь*, Москва 1938, с. 200.
- Русская правда*, [в:] электронный ресурс: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (19.09.2015).
- С е р г е е в и ч В. И., *Лекции и исследования по древней истории русского права*, Санкт-Петербург 1910.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 2, Москва 1975, с. 188.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 4, Москва 1977, с. 153, 276.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 5, Москва 1978, с. 214.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 8, Москва 1981, с. 247, 249.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 9, Москва 1982, с. 241.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 12, Москва 1987, с. 213–214, 219.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 16, Москва 1990, с. 219.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 20, Москва 1995, с. 116.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 23, Москва 1996, с. 179.
- Ф р о я н о в И. Я., *Киевская Русь. Очерки социально-политической истории*, Ленинград 1980.
- Ш е й ф е р С. А., *Следственные действия. Система и процессуальная форма*, Москва 2001.

